

Глава 12

Каково это — споткнуться на ровном месте и полететь напрямик в объятия того, с кем мгновение назад едва не поцапался?

Выход один...

Прикинуться мёртвым.

Зажмурив глаза и вытянувшись стрункой, Ше Цзе преотлично «потерял сознание».

Будучи несчастным баловнем судьбы, который с пелёнок ненавидел книги, но от которого родня вечно ждала таких же великих свершений, как от его покойного отца, Ше Цзе накопил колоссальный опыт в подобных делах. В симуляциях он слыл настоящим маэстро. От банальной боли в животе и лёгкого жара до глубокой комы, при которой хоть щипай его — веко не дрогнет, — Ше Цзе умел разыграть любой недуг столь достоверно, что ни один лекарь подвоха бы не почуял.

Ше Цзе преисполнился уверенности и быстро набросал в уме план действий: стоит ему лишиться чувств, как четверо близнецов тут же поднимут переполох. Незнакомцу волей-неволей придётся выпустить его из объятий и передать слугам. Попутно тот услышит причитания в духе «наш молодой господин только-только оправился от тяжёлого недуга» и мигом поймёт: Ше Цзе вовсе не дохляк, который спотыкается на каждом шагу, просто здоровье пошатнулось.

Изящное решение: и неловкости удалось избежать, и позорных слухов о его хилости не поползёт. План был безупречен.

Увы, Наследник Ше никогда не слышал поговорки о том, что мечты сладки, а реальность горька. Сам-то он подготовился на славу, но если человек, поймавший его — а это был не кто иной, как Фан Чаоцы, — наотрез откажется подыгрывать, то все старания пойдут прахом.

И непреклонность эта проявилась во всей красе. Ше Цзе-то прикинулся бесчувственной тушкой, и выросшие точно скалы четверо близнецов тотчас ринулись на подмогу, однако господин Фан и не думал разжимать рук. Напротив, он прижал Ше Цзе к себе ещё крепче. Его мускулистые руки казались высеченными из камня — ну чисто богатырь из древних легенд, непоколебимый перед лицом целого войска.

«Уж не воевода ли он? — усомнился Ше Цзе. — До чего жаль такой дивный голос! А я-то думал, передо мной изнеженный книжник, способный лишь слагать стихи о луне и цветах».

«Стоп. Он что, во вкус вошёл? Или думает, что держит охапку кочанов? Почему он меня не отпускает?!»

В голове Ше Цзе лихорадочно роились догадки: неужто этот упрямец не понял, что его ноша без сознания? Или ему плевать? А вдруг... вдруг он раскусил притворство? От последней мысли его бросило в холодный пот. Если обман раскроется, позора не оберёшься.

Но этот несносный человек на достигнутом не остановился. Склонившись к самому уху Ше Цзе, он вновь заговорил — вкрадчиво, обольстительно, точь-в-точь морская сирена:

— Тебе холодно?

О, этот голос безумно нравился Ше Цзе — он сам мечтал говорить так же благозвучно. Однако сейчас ему хотелось лишь одного: прибить наглеца на месте, чтобы скрыть следы своего позора. Ше Цзе твёрдо решил, что скорее околет тут, чем откроет глаза и признает поражение перед этим сумасшедшим миром. Любое любопытство касательно внешности незнакомца улетучилось без следа. Единственное, о чём он молил небеса — поскорее выбраться из этой передраги.

Потому что это было чертовски, невыносимо неловко!

Прошло, казалось, целая вечность, прежде чем Фан Чаоцы соизволил передать Ше Цзе, успевшего изрядно пропахнуть чужим благовонием, в надёжные руки Ше Далана. Передавал он его с явной неохотой. И даже отпуская, скользнул пальцами по шёлковому рукаву его просторного халата. Когда прохладная ткань окончательно выскользнула из его пальцев, Фан Чаоцы негромко пробормотал:

— Почему ты такой худой?

Бросив на юношу долгий, пронзительный взгляд, Фан Чаоцы развернулся и ушёл. Шёлковые ленты, вплетённые в его серебряный венец, и полы его богатых одежд изящно взметнулись, будто в такт безмолвной мелодии. Вместе с ним улетучилось и томящее, удушливое тепло, окутавшее Ше Цзе секундой ранее. Незнакомец скрылся, оставив после себя лишь воспоминание о статном, но одиноком силуэте.

Экипаж Фан Чаоцы стоял неподалёку от повозки Ше Цзе. Они приехали к Южному озеру почти одновременно — вернее сказать, Фан Чаоцы намеренно следовал за ним всю дорогу.

Он во что бы то ни стало желал забрать у Ше Цзе вещь, которая принадлежала ему по праву.

Спектакль следовало разыграть до конца, так что Ше Цзе не спешил открывать глаза. Лишь когда Ше Далан бережно устроил его в повозке и занавесил полог, юноша резко сел. Он распахнул веки столь внезапно, что до смерти перепугал Цянь Цзя, который уже примостился рядом на коленях и приготовился оказывать неотложную помощь. К счастью, служанка Ше

Цзе знала своего господина как облупленного. Не успел лекарь и пикнуть, как она железной хваткой зажала ему рот, пресекая любой нежелательный шум.

— Со мной всё в порядке. Помолчишь — и мы поладим, смекаешь? — Ше Цзе пригрозил пальцем и грозно прищурился, сияясь напустить на себя вид отъявленного смутьяна.

Цянь Цзя, зажатый в тиски «нежной снаружи, но недюжинной внутри» девицы, поспешно закивал. Кое-как переварив увиденное, он смекнул, что молодой господин попросту симулирует недуг и помирать не собирается. От сердца у него сразу отлегло. Упаси боги Ше Цзе занемочь под его надзором — тогда Цянь Цзя мог и вовсе не возвращаться в усадьбу; проще было сразу утопиться в озере.

Только тогда Ше Цзе кивнул служанке, и та медленно убрала ладонь. Сам же наследник продолжал буравить бедолагу взглядом, точно дикий притаившийся кот. О его маленьком притворстве ни в коем случае не должны были прознать ни матушка, ни старый управляющий усадьбы, иначе взбучки не избежать.

Благо Цянь Цзя оказался малым сообразительным и быстро сориентировался, решив снискать благосклонность господина. С самым честным видом, полным профессионального сочувствия, он заговорил:

— Ваше здоровье и впрямь весьма хрупко. После долгого постельного режима у больных нередко случаются приступы дурноты и головокружения, так что тревожиться не о чем.

В его голосе звучала такая убеждённость, будто он действительно радел о благе пациента всей душой. Ше Цзе довольно улыбнулся.

— Значит, мы возвращаемся в усадьбу? — шёпотом полюбопытствовал Цянь Цзя.

— Ты глупый или как? — Ше Цзе удивлённо приподнял бровь, не собираясь отступать от намеченного. — С какой стати нам возвращаться? Я ведь ещё не спустил на воду фонарь для батюшки!

В итоге, благодаря «авторитетному свидетельству» лекаря, «лишившийся чувств» Ше Цзе благополучно «пришёл в себя». Раз уж его жизни ничто не угрожало, возвращению домой дали отбой. Четверо близнецов хоть и отнеслись к чудесному исцелению с подозрением, перечить молодому господину не посмели. Они послушно выстроились в ряд, понутив головы и ожидая указаний.

Устроившись на мягких подушках, Ше Цзе велел поднять бамбуковые шторы повозки. Отсюда ему открывался великолепный вид на колышущееся море лотосов и подёрнутую вечерней дымкой гладь озера, над которой разносился гулкий колокольный звон, известный как «Вечерний колокол Наньпина».

Однако поэтическое настроение улетучилось быстро: мысли юноши вновь устремились к его излюбленной теме — еде.

— На дворе лишь середина седьмого месяца, водяные орехи ещё не созрели и не опали, так что полакомиться ими не выйдет, — поспешил предупредить стоявший у повозки Ше Далан, опасаясь, как бы молодой господин не выкинул очередную капризную штуку и не потребовал подать ему свежих водяных орехов.

— За кого ты меня принимаешь?! Неужели я совсем глупый?! — обиженно протянул Ше Цзе.

Его и впрямь порой заносило на поворотах фантазии, но он никогда не требовал невозможного и не докучал слугам невыполнимыми поручениями.

Однако ответом ему стало красноречивое молчание.

Соврать и заверить: «Что вы, господин, вы само благоразумие», — не позволяла совесть. Но и сказать чистую правду никто не решался, боясь, что разгневанный наследник выставит их вон и заставит до конца дней питаться одним лишь святым духом. Нелёгкая это доля — ублажать Наследника Ше, от которого зависит твой хлеб насущный.

Атмосфера накалялась, и Ше Цзе уже готов был взорваться, но изворотливый Цянь Цзя вовремя перевёл тему, спасая положение:

— Надо же, сегодня ведь последний день праздника Чжунъюань, а народу на Южном озере меньше не становится. Откуда столько людей?

Людской поток на берегу прибывал с каждой минутой.

— Так ведь все они пришли помянуть вашего батюшку, молодой господин, — ответил Ше Сяосы.

Хотя Талант Су в своё время и приложил руку к обустройству Южного озера, значительно разнообразив стол местных жителей, он всё же оставался здесь чужаком. Для обитателей Цзянцзо главным поводом для гордости был и оставался Ше Хэ — великий гений здешних мест.

Земли Цзяннани всегда славились мужами искусства, и Цзянцзо не был исключением. Но Ше Хэ превосходил прочих умельцев слова. В нём видели великого классика, чьё имя навеки вписано в анналы истории, — истинного светоча национальной культуры, одним упоминанием которого гордился каждый земляк. И пускай его давно уже не было в живых, народная любовь к покойному Ше Хэ не угасала.

Более того, со временем это почитание переросло в незыблемую традицию. Теперь каждый учёный перед сдачей государственных экзаменов считал своим долгом совершить

паломничество к памятной стеле господина Ше, а в дни поминовения усопших — поделиться с его духом своими горестями и радостями.

Лучшим способом побеседовать с ушедшим в мир иной, конечно же, оставались речные фонарики. Обычно для этого использовали бумажные лотосы на прочной подставке, поверх которых водружали исписанный поминальными стихами абажур с белой свечой внутри. В ночь Чжунъюань люди выходили на лодках на середину озера и бережно спускали эти огоньки на воду, позволяя им уплывать в ночную темень, чтобы указать дорогу заблудшим душам предков.

Просительные надписи на фонариках бывали самыми разными, но, по мнению Ше Цзе, все они сводились к одному — задушевному разговору с его отцом.

Ше Цзе и сам с ранних лет рос невероятным болтуном — правда, открывал душу он далеко не каждому, а лишь самым близким. И пока чужие дети придумывали себе воображаемых друзей среди сонма небожителей, Ше Цзе поверял тайны призрачному отцу. Со временем в этот узкий круг доверенных лиц вошёл его старший дядя, а теперь ещё и двоюродный брат.

О многом Ше Цзе стеснялся заговорить даже с матерью, но перед невидимым батюшкой изливал душу без утайки, часами ведя беседы с пустотой.

В те детские годы он ещё не умел пускать по воде поминальные фонари и не знал, как обращаться к мемориальным табличкам в храме предков. Вместо этого он облюбовал укромный уголок среди декоративных скал в саду принцессы, устроив там своё тайное убежище. Там он нашептывал невидимому отцу самые заветные ребяческие мечты.

Чтобы всё казалось настоящим, Ше Цзе закопал у подножия каменной горки диковинное семечко — неизвестно откуда взявшееся и упорно не желавшее прорасти. Маленький наследник свято верил, что именно там, под землёй, и обитает душа его родителя. Посадив семечко, он исправно, невзирая на ненастье, поливал его изо дня в день. Мальчик ждал, что однажды росток пробьётся сквозь землю и явит миру прекраснейший цветок, хранящий в себе частицу его отца.

Пожалуй, в этом они с отцом были схожи: Ше Цзе унаследовал от него мечтательную натуру и поэтический взгляд на мир.

Он часами нашептывал своему «отцу-семечку» о том, кем хочет стать, когда вырастет; делился новостями, радостями и обидами, живописуя свои детские приключения. Но чаще всего мальчик грустно вздыхал:

«Когда же ты наконец превратишься в человека? Я вовсе не жалуюсь и не тороплю тебя, правда. Мне нравится говорить с тобой. Но если бы ты мог хоть словом ответить мне, угостить масляными улитками Дисю или просто обнять... Я был бы самым счастливым на свете».

<http://bllate.org/book/19472/1960778>